

ПУБЛИКАЦИИ

Е. Ч. СКРЖИНСКАЯ

ПОЛОВЦЫ.
ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЛКОВАНИЯ
ЭТНИКОНА
(Из архива ученого)

В летописном отражении истории Киевской Руси, в особенности XII в., видно, что само существование Древнерусского государства в целом, и прежде всего южной его части, его ядра, называвшегося по преимуществу Русской землей, было неотделимо от извечного антагонизма к кочевнической степи. Без внимания к последней, без постоянной оглядки на ее обитателей и их передвижения непредставима Киевская Русь. Борьба с кочевниками, порой кровопролитная и тяжелая, — обязательный элемент повседневной жизни средневековой Руси и постепенного формирования ее политической силы. Возможно, что постоянный фронт сопротивления степнякам оказывался в конечном счете и элементом своеобразных форм роста, укрепления и зрелости феодального Киевского государства.

В XII в. Древняя Русь не только не потеряла своего экономического и политического значения, сложившегося еще в предыдущее время — при Ярославе, его сыновьях и его внуке Владимире Мономахе, но и была способна поддерживать это значение на достаточной высоте. Русь не была и не могла бы быть изолированным, «периферийным» государством. Она развивала связи и в сторону Севера, и в сторону Запада, и особенно в сторону Юга. Однако последнее направление, будучи для Киевской Руси и экономически, и культурно, и географически наиболее естественным, было осложнено препятствиями: полоса южнорусских степей, Половецкая земля, бескрайняя Дешт-и-Кыпчак лежала как трудно преодолеваемый барьер, как опасный заслон на путях в Причерноморье, на Дунай, в Византию. Много десятилетий, до конца 30-х годов XIII в., когда Киевское государство пало под ударами орд Батые, Русь пробивалась через этот барьер и выходила в сферу средиземноморской экономики, политики и культуры, сама становясь хотя и не центральным, но полноправным членом этой сферы.

В этой статье мы решаемся пересмотреть этимологию слова «половцы», продержавшуюся, правда, в ряде вариантов, более ста лет. Согласно этой широко признанной ныне этимологии происхождение племенного названия «половцы» ведется от русского слова «полóвый» (полóва означает «солома») — светло-желтый, беловатый, а отсюда — белокурый.

Слово «половцы» — явно русское, и оно должно значить для русского человека нечто существенное, важное в сфере его встреч с этими кочевниками, в историческом их — русских и половцев — соприкосновении и бытии, представленными столь ярким изложением в летописях, как непрерывная конфронтация, почти всегда губительная и порой трагическая. Нельзя отрицать, что половцы с середины XI до середины XIII в. были постоянным элементом истории Киевского государства. И разгадку возникновения все еще загадочного этнонима «половцы» следует искать в сфере русско-половецких взаимоотношений.

В древнерусских летописных сводах, в хронологических пределах от середины XI в. до 20—40-х годов XIII в. почти нет страниц, на которых не упоминались бы половцы. На иных языках: тюркских, греческом, латинском, венгерском, армянском и др. — были в ходу совершенно другие, ни фонетически, ни этимологически не сходные со словом «половцы» названия¹.

Русские люди называли своих степных врагов особым именем, не бытовавшим нигде, кроме Руси. Это было не собственное их наименование, не самоназвание народа, а придуманное для него другим народом, так сказать, прозвище со стороны. В таком случае народ, пустивший в ход свое наименование другого народа, непременно — и это психологически оправдано — должен иметь веские основания, чтобы, игнорируя собственное его имя, придумать новое, неведомое прозываемым людям название с известным лишь его авторам смыслом. При толковании слова «половцы» как «люди с волосами соломенного цвета» трудно видеть какое-либо веское основание для подчеркивания всего лишь белокурости (нейтрального признака) голов этих страшных и постоянных врагов Руси.

Для нас несомненно, что название «половцы» — не племенное имя, не этническое определение. Это только прозвище, данное народом, который жил с ними в соприкосновении и, конечно, отразил в этом прозвище некую характерную — со своей точки зрения — черту этого соседа.

Так именно и воспринималось название «половцы» уже самой летописью. В связи с крупным половецким нашествием на Русь² в «Повести временных лет» говорится о происхождении этих кочевников, «безбожных сынов Измаиловых». От их родоначальника Измаила, сообщает летопись, произошли четыре колена: «торкмени, и печенеги, и торци, и кумани, рекше половци»³. В данном контексте выразительно звучит наречие «рекше» (т. е. «что значит», «что означает»)⁴. Оно свидетельствует о том, что летописец считал названием племени слово «куманы», поставленное им в ряд с племенными наименованиями «печенеги» и «торци», однако тут же пояснил: «кумани, рекше половци» — куманы, т. е. половцы, или: куманы, по-нашему половцы, как мы их называем, половцы. Такой смысл слова «половцы» подтверждается даваемым здесь же разъяснением относительно названия сарацины — «срацини»: «а срацини от Измаиля творятся (выдают себя за. — *Е. С.*) сарини, и прозваша имена себе саракыне, рекше: сарини есмы»⁵ (мы приходим от Сары, мы — Сарини. — *Е. С.*). Здесь наречие «рекше» совершенно ясно служит для раскрытия значения слов «срацини», «сарини» и обнаруживает даже причину появления подобного слова.

Равным образом причину возникновения названия открывает летописец в разъяснениях таких общеупотребительных определений различных групп славянского населения, как, например, древляне («зане седоша в лесех») или полочане («речки ради, яже втечет в Двину, именем Полота»), подчеркивая при этом, что, наоборот, славяне, сидящие по Ильмену, сохранили исконное общеплеменное имя и не получили более частного определения или, так сказать, прозвища, но «прозвашася своим именем»⁶.

¹ См. о различных названиях половцев: *Расовский Д. А.* Половцы. Ч. 1. Происхождение половцев. — *Seminarium Kondakovianum*, 1935, VII, с. 252.

² Поход Боняка, дошедшего почти до Киева: «мало в град не въехалаша ... и придоша на монастырь Печерский», в 1096 г. См.: *Повесть временных лет* / Текст и перевод. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950 (далее: ПВЛ), ч. 1, с. 151.

³ Там же, с. 152—153.

⁴ Ср. сделанный Д. С. Лихачевым перевод соответствующего места «Повести временных лет» (ПВЛ, 1, с. 353).

⁵ ПВЛ, 1, с. 152.

⁶ ПВЛ, 1, с. 11. См.: *Лихачев Д. С.* «Повесть временных лет»: (Историко-литературный очерк). — В кн.: *Повесть временных лет*. М.; Л., 1950, ч. 2. Приложения, с. 107. Анализируя сообщение Нестора о расселении славян, Д. С. Лихачев пишет: «Свои названия славянские племена получили по тем местам, где они первоначально (после продвижения с Дуная. — *Е. С.*) сидели: „от тех словен

Средневековые авторы, писавшие на греческом и латинском языках, неизменно называли половцев куманами или команам: οἱ Κομάνοι, Κομάνοι, Cumani, Commanis⁷. А русские также неизменно именовали куманов половцами.

Значение этого слова пытались разгадать давно. По этому вопросу высказал свое мнение краковский ученый, врач и историк Матвей Меховский (1457—1523). В своем сочинении «Tractatus de duabus Sarmatiis, Asiana et Europiana», которое вышло первым изданием в Кракове в 1517 г.⁸, он пишет (приводим в переводе А. С. Аннинского): «Половцы в переводе на русский язык значит „охотники“ или „грабители“, так как они часто, делая набеги, грабили русских, расхищали их имущество, как в наше время делают татары»⁹.

Вторично Меховский разбирает значение слова «половцы» в связи с появлением татар в причерноморских степях: «Во время прихода и вторжения татар те земли населяли готты (реминисценция этнической географии IV в. — Е. С.), называвшиеся у соседей половцами. На языке славян — русских и московитов — это значит „хищники“ и „грабители“, потому что как ныне татары, так и тогда готты, подобно охотничьим псам, нападали на соседние народы, притесняли и грабили их»¹⁰. В этом тексте важно упоминание о *соседях* половцев, о *соседних* народах, которых они разоряют. Именно ближайшие, соседние обитатели, постоянно имевшие дело с половцами, и могли придумать для них специальное название.

Итак, Меховский вкладывает в прозвище «половцы» значение охотников, грабителей, хищников. Комментатор труда Меховского Аннинский полагает, что автор трактата производит слово «половцы» от польского *polowac*, *polowanie* — русского «полевать», «заполевать зверя». Однако это сближение едва ли точно: «полевать» и «заполевать» имеют в основе «поле», хотя и в применении к охоте (см. «Толковый словарь» В. Даля). Лучше в данном случае (т. е. именно для уяснения предлагаемого Меховским толкования) вспомнить нередко встречающееся в летописях древнерусское слово «ловы» — охота.

Не усмотрев в предложенном им самим глаголе «полевать» исходного слова «поле», но обратив внимание лишь на его значение «охотиться», Аннинский назвал другого автора XVI в., Герберштейна, «красноречивым оппонентом» Меховского потому, что тот производит слово «половцы» от «поле». Сигизмунд Герберштейн (1486—1566) в своем прославленном труде о Московии действительно кладет в основу этника половцы слово

разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте...»; часть словен села около озера Ильменя прозвалася „своим именем“, т. е. славянами».

⁷ См., например: *Ann. Comn.*, VIII, 4 и другие места; *Nic. Chon.* De Is. Ang., III, 3, p. 561; *Idem.* De Alex. Is. Ang., fr. III, 5, p. 691—692; *Robert de Clari* / Ed. par Ph. Lauer. P., 1924 (Classiques français du Moyen âge), p. 65; *G. de Villehardouin* / Ed. par E. Bouchet. P., 1891, p. 78—82; *J. de Joinville* / Ed. par de Wailly. P., 1874, p. 97.

⁸ Русский перевод труда М. Меховского: *Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях* / Введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского. М.; Л., 1936 (приложен латинский текст).

⁹ *Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях*, I, 1, 2, с. 47—48. Латинский текст (Указ. соч., с. 129) таков: «Polowci autem lingua Rutenorum sonant et interpretantur yanatici seu rapaces». Следует отметить неправильное понимание Аннинским фразы «lingua Rutenorum sonant et interpretantur» как «в переводе на русский язык». Она должна быть передана так: «на русском языке значит (буквально: звучит) и истолковывается», потому что русское слово «половцы» вовсе не является каким-то переводом, причем неизвестно с какого языка.

¹⁰ *Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях*, I, 2, 1, с. 148. Латинский текст таков: «Gotthi illas terras tempore adventus et ingressionis Thartarorum incoluerunt, a vicinis Polowci nuncupati, quod sermone Slauorum Rutenorum et Moskouitarum rapaces et spoliatores sonat, quia tunc Gotthi, quemadmodum nunc Thartari, tanquam canes venatici, vicinas invadentes nationes molestabant et spoliabant». Здесь перевод Аннинским глагола «sonat» правилен.

«поле» и считает, что если по Меховскому половцы — охотники, ловцы, то по его, Герберштейна, мнению половцы значит «полевые», *campestres*¹¹.

Итак, в XVI в. считали, что слово «половцы» произошло либо от «ловы», «охота» (но разумели половцев-охотников лишь в смысле охоты на людей и их имущество), либо от «поле» (в значении, по-видимому, обитания половцев в степи, они — *campestres*, степняки). Однако по законам языкознания образование слова «половцы» от «ловы», «ловить» или от «поле» неоправданно.

Название, понятное, казалось бы, школьнику, знакомое по курсу русской истории, частое и обычное на страницах летописей, продолжало оставаться неистолкованным и, собственно, загадочным. Не разъяснился и вопрос о том, почему именно половцы назывались на разных языках различными именами и что эти имена значат¹². Например, соответствует ли значение имени половцы смыслу слова «кипчаки» или «фалоны» (так у Оттона Фрейзингенского в его «Хронике» VI, 10).

Долгое время исследователи только отмечали, что имен, определяющих половцев, много, и перечисляли эти имена¹³. Однако в вышедшей в 1935 г. статье Расовского, упоминавшейся выше, кроме перечисления различных имен половцев, устанавливается и значение если не всех, то большинства из них. В числе последних и русское наименование «половцы».

Задолго до появления работы Расовского было высказано, затем обсуждено и, в сущности, принято наукой (быть может, из-за отсутствия иного объяснения) мнение А. А. Куника¹⁴, утверждавшего, что исходным понятием для имени «половцы» было слово «полóвый» — изжелта-белый, желтоватый, соломенно-желтый. Русские люди, следовательно, прозвали своих соседей-кочевников XI—XII вв. половцами по причине их желтых,

¹¹ *Матвей Меховский*. Тракта́т о двух Сарматиях, с. 207 (примеч. А. С. Аннинского). Сочинение С. Герберштейна *«Regum moscoviticarum commentarii»* издано впервые в Вене в 1549 г. В 1557 г. вышло немецкое переложение его труда под названием *«Moscovia»*. Эти сочинения Герберштейна изданы в: *Scriptores exteri saeculi XVI historiae ruthenicae*. Berlin; Petersburg, 1841—1843. Русский перевод А. Ю. Малеина: *Записки о Московских делах*. СПб., 1908.

¹² Предшественники половцев в южнорусских степях, печенеги, родственный половцам тюркский народ, говоривший на общем с половцами языке, так и назывались печенегами в дошедших до нас разноязычных источниках, иногда с небольшими фонетическими изменениями или различиями. Например: у Константина Порфирородного (X в.) — *Πατζινάχται*; у Анны Комниной (XI в.) — *Πατζινάχοι*; у Иоанна Киннама (XII в.) и у Никиты Хониата (XII—XIII вв.) — *Πετζινάχοι*; у Титмара Мерзебургского (X—XI вв.) — *Pecenegi*, *Pedenei*; у Адама Бременского (XI в.) — *Pescinagi*; у Оттона Фрейзингенского (XII в.) — *Pecenati*, *Pezenati*. См. еще богатейший материал этнических названий по византийским источникам в книге венгерского ученого Д. Моравчика: *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Sprachreste der Turkvölker in den byzantinischen Quellen*. 2 Aufl. B., 1958, Bd. II, S. 247—249.

¹³ *Голубовский П. В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX—XII вв. Киев, 1884, гл. II. Племенное родство и происхождение кочевников, с. 36: «Половцы награждаются средневековыми писателями массой различных имен. Половцы, *Plauci*, *Balwen* или *Blawen*, *Walwen*, *Κόραυοι*, *Cumani*, *Cuni*, кипчаки — вот под какими названиями известно было новое кочевое племя». Д. А. Расовский добавляет к этому: «Уже с давних пор и русским и западноевропейским историкам много хлопот создавали половцы тем, что в русских, арабских, армянских, византийских, мадьярских и немецких источниках они упоминаются под различными именами: у русских — половцы, у арабов и вообще в мусульманской письменности — кипчаки, кафчаки, у армян — хардеш, у византийцев — куманы, у мадьяр — куны, куманы, а также палочи, у немцев — фалоны, фальвы или, как в остальных западноевропейских источниках, команы, куманы. Поляки и чехи знают половцев и в русском наименовании (только обычно без русского полногласия) — *plawci*, *plauci*, и в общелатинском — *команы*» (*Расовский Д. А.* Указ. соч., с. 252).

¹⁴ Впервые А. А. Куник высказал его в примечании к книге Б. А. Дорна. См.: *Дорн Б. А.* Каспий. О походах древних руссов в Табаристан. — *Записки имп. Академии наук*, 1875, т. 26, кн. 1, с. 387.

белокурых, похожих на солому волос, потому что русское «полова» (церковнославянское «плава») значит «солома». Расовский подвел итог ученым спорам по этому поводу, указав на возражения Миклошича, Блау, Куна, Вамбери, Бретшнейдера и установив, что «долго оспариваемая эта конъектура теперь окончательно принята»¹⁵. При этом он сослался на авторитет Иосифа Маркварта и на весьма компетентных рецензентов его труда¹⁶.

Расовский отметил также, что возникали серьезные сомнения относительно вышеуказанной этимологии — именно из-за того, что едва ли тюрки-кочевники могли быть светловолосыми. Однако, как он говорит, «все источники, описывающие внешний вид половцев, единодушно сходятся в характеристике их как народа рослого, стройного, красивого и светловолосого»¹⁷. Последний эпитет между тем не подтверждается сколько-нибудь авторитетными источниками. Приведенные же Расовским аргументы в пользу белокуроости половцев не опираются на аутентичные источники, каковыми в этом случае могут быть лишь памятники письменности народов, с ними близко соприкасавшихся, прежде всего русских и византийцев.

Русского описания половцев в источниках не сохранилось. В летописях встречаются лишь различные отрицательные эпитеты¹⁸, но общего расказа о половцах как о племени (они «иноплеменники») нет. Его, пожалуй, и не могло быть, так как половцы, при всей серьезности и опасности встреч с ними, стали, если можно так выразиться, обыденным явлением в жизни русских людей. Лишь изредка в источниках можно найти упоминания некоторых их особенностей, не свойственных ни русским, ни полякам, ни венграм, ни византийцам, воевавшим с половцами.

Таково живописное, хотя и краткое изображение в летописи ночного выезда половецкого хана Боняка в поле накануне битвы под Перемышлем в 1097 г. Боняк гадал об исходе предстоящего сражения половцев — союзников владимирского князя Давида Игоревича — против венгров — союзников Ярослава, сына киевского князя Святополка Изяславича: «Яко бысть полунощи, и встав Боняк, отъеха от вой, и поча выти волчскы, и волк отвыся ему, и начаша волци выти мнози»¹⁹. Этими словами летописец нарисовал подлинно живописную, яркую и жуткую картину половецкого гаданья и посредством нее передал одну из черт, присущих верованиям кочевнического народа²⁰. В более полном описании — здесь или в другой части летописи — не было надобности: спустя уже полвека после своего прихода в южнорусские степи половцы были вполне знакомым явлением. Летописца едва ли даже интересовала вообще та или иная ха-

¹⁵ Расовский Д. А. Указ. соч., с. 255, примеч. 22.

¹⁶ Marquart J. Über das Volkstum der Komanen. — Abhandlungen der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-hist. Klasse, N. F., 1914, XIII, 1, 1914, S. 28—29. См. рецензии: Pelliot P. A propos des Comans. — Journal asiatique, XI série, 1920, t. XV, N 1; Бартольд В. В. Новый труд о половцах. — Русский исторический журнал, 1921, кн. VII. См. также: Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926, т. II, с. 57—59.

¹⁷ Расовский Д. А. Указ. соч., с. 258.

¹⁸ Общий эпитет половцев в древнерусских летописях — «поганые», что является не только указанием на их язычество, но и общим порицательным их прозвищем. Иногда они называются «беззаконными», «окаянными» («оканьный»). Половецкий хан Боняк охарактеризован как «безбожный, шелудивый... хыщник» (ПВЛ, 1, с. 151).

¹⁹ ПВЛ, 1, с. 179.

²⁰ О ночном вое по-волчьи, раздававшемся из рядов кочевников-угров, писал автор «Паннонского жития» Константина Философа (конец IX в.). В 856—858 гг. Константин ездил в Хазарию; его путь лежал через Таврику. Где-то между Херсоном и Сугдеей (Сурожем) на Константина напали угры: «Возврати же ся философ в свой путь и в первый час (т. е. глубокой ночью. — Е. С.) молитву творящу ему, нападоша на нь угри, яко и волчскы воюще, хотяше и убити» (Бодянский И. М. Кирилл и Мефодий. Собрание памятников... — Чтение в Обществе истории и древностей при Московском университете, 1865, январь—март, кн. 1, с. 12).

рактеристика половцев, их какие-либо необыкновенные в глазах русских людей свойства. Его занимал своеобразный прогноз победы, полученный Боняком на основании каких-то примет при переключке имитированным волчьим воем с настоящими волками.

Иначе относились к сведениям о половцах люди, не сталкивавшиеся с ними в своей исторической судьбе столь часто и регулярно и в течение столь длительного времени, как русские. Приведем известия о половцах, содержащиеся в сочинениях византийских авторов: Анны Комниной, Евстафия Солунского, Никиты Хониата.

Анна не дала особой характеристики только что вторгшимся на территорию империи «новым» кочевникам — половцам. Она кратко обрисовала их бросившимися в глаза ее современников чертами, и то лишь в связи с войнами ее отца, императора Алексея I Комнина, против печенегов, докатившихся почти до стен Константинополя. То был один из наиболее критических моментов существования Византийской империи.

Однако утонченная и коварная византийская дипломатия, выработанная еще искусством Юстиниана I, дипломатия натравливания варваров на варваров, вывела империю из тягчайшей ситуации 1090—1091 гг. Сложилось неожиданное соотношение сил: половцы (их Анна и другие византийские писатели обычно называли команами: *Κόμανοι*, иногда же — общим для всяческих кочевников античным наименованием скифов) при первой встрече с византийской армией оказались ее союзниками, и благодаря им печенеги были сокрушены в грандиозном побоище 29 апреля 1091 г. близ города Эноса, около устья реки Гебра — Марицы.

В своем рассказе Анна не скрывала трудного, почти безвыходного положения, в котором оказался ее отец: ему угрожал не только «приход несметных скифских (т. е. печенежских) полчищ»²¹, по сравнению с которыми византийское войско являлось «ничтожной частицей»²², но еще и появившаяся с другой стороны будто бы 40-тысячная масса половцев под предводительством Тугоркана и Боняка. Император попал в самое трудное, беспомощное и растерянное состояние и испытывал страх. Анна так и пишет, не преуменьшая трагичности состояния своего отца: он был *ἐν ἀμηχανίᾳ καὶ φόβῳ*, он боялся «страшной войны» — *δεινὸς πόλεμος*; в случае, если бы печенеги и половцы объединились, его государству грозила бы полная, всеобщая гибель: *ἡ πανωλεθρία*.

Ввиду того что Алексею Комнину пришлось вступить в переговоры с половцами, византийцы установили контакт с вождями племени. Анна отмечает, что «Тогортак» («Тугоркан тесть Святополчъ» русских летописей) и «Маньяк» (Боняк древнерусских источников) среди половецких предводителей (*ἡγεμόνες*) были самыми главными (*πρωτοὶ δὲ πάντων*) и вместе с остальными являлись необыкновенно воинственными мужами (*ἄνδρες μαχηώτατοι*)²³. Договариваясь о союзе с половцами против печенегов, император «боялся» (так и пишет в своей «Алексиаде» Анна — *ἐδέδισε*, применяя столь неприятный глагол *δεῖδω* к воспеваемому ею отцу) основного — в восприятии византийцев — их весьма неудобного качества: половцы отличались «податливостью», «изменчивостью» (*εὐάγωγον*) образа мыслей, и приходилось серьезно опасаться, как бы союзники не стали врагами и противниками и не причинили бы византийцам величайшего вреда.

Эта «склонность к обману», в сущности же — к явному вероломству, причем вовсе не расцениваемая самими половцами как таковая, а являющаяся основой главным образом военных действий кочевников (военная хитрость), была хорошо известна и русским. В летописях, однако, отразилось иное к этому явлению отношение: русские князья, даже зная, что половецкие ханы чрезмерно изменчивы в своих симпатиях и антипатиях,

²¹ *Ann. Comn.*, VIII, 4: *ἡ ἔλευσις ἀμυθητῶν Σκυθικῶν στρατεύματων.*

²² *Ibid.*

²³ *Ibid.*

тем не менее постоянно «водили их роте», т. е. брали с них клятву верности, и, несомненно, не особенно удивлялись, когда те изменяли этой клятве.

Так поступали, впрочем, и сами русские князья, даже воспетый летописцами за свои добродетели Владимир Мономах²⁴. Они, по-видимому, так же как и византийцы, знали об этой особенности половцев, характерной для их весьма примитивной политики в отношении как врагов, так и союзников и просто соседей.

Анна Комнина рассказывает, как половцы помогли самозванцу, выдававшему себя за сына императора Диогена, уйти из Херсона, где он находился в заключении. «Девгениевич» (так его именует летописец) со стен укрепления сумел договориться с половцами, которые и помогли ему бежать. Половцы же находились в Херсоне «для торговли и для того, чтобы получить себе там все необходимое»²⁵. В русских летописях под 6603 (= 1095) г. совместные действия «Девгениевича» и половцев против византийцев в придунайских областях и, быть может, на фракийских равнинах изображены следующим образом: «Идоша половци на Грькы с Девгениевичем, воеваша по Гречъстей земли; и цесарь я Девгенича, и повеле ѿ слепити»²⁶.

В другом месте своего труда Анна повторила, уже в более общей форме, характеристику половцев, указав на их наиболее остро ощущаемое византийцами качество: «Команы, как (вообще все) варвары, обладают непостоянством и изменчивостью; это как бы некое природное, присущее им свойство»²⁷.

Евстафий Солунский, образованнейший человек, известный писатель и оратор своего времени (умер в 90-х годах XII в.), включил некоторые элементы описания половцев (у Евстафия — «скифов») в речь-экспромт (αὐτοσχέδιος λαλία), импровизированную им перед Исааком II Ангелом в Филиппополе после того, как император двумя удачными ночными нападениями отразил грабительские набеги половцев²⁸.

Евстафий обладал прекрасным, выразительным слогом, богатым словарем, живым воображением; все его произведения написаны интересно и талантливо. Даже если при огромной начитанности и сильной памяти он иногда употребляет привычные для античных авторов слова, то тем не менее изложение его отличается красочностью и реализмом. Таковы и набросанные им в упомянутой речи черты кочевой жизни племени половцев. Евстафий пишет: «Это племя (ἔθνος) не способно пребывать устойчиво на одном месте, ни оставаться [вообще] без передвижений; у него нет понятия об оседлости, и потому оно не имеет государственного устройства» (δι' αὐτὸ δὲ οὐδὲ πολιτικόν). Половцы не в состоянии заселить какую-либо территорию: они — племя «многоблуждающее» (πολυπλάνητον).

Среди образных выражений для характеристики кочевников есть такие: они — «люди крылатые, перелетные» (πτερόμενοι ἄνθρωποι); они — «безгородные» (ἀπόλιδες) и совершенно неуловимые, недостижимые. Последнее качество автор связывает с глаголом θηράω — гнать, преследовать, отыскивать на охоте зверя, отсюда прилагательное διωσθήρατοι. Немногими энергичными словами изображается внезапно появляющийся

²⁴ В 1095 г. Владимир Всеволодович колебался перед убийством половецких военачальников Итляря и Кытана: «Како се могу створити, роте с ними ходив» (ПВЛ, 1, с. 148).

²⁵ *Ann. Comp.*, X, 2.

²⁶ ПВЛ, 1, с. 148. См. еще: *Васильевский В. Г.* Византия и печенеги. — Труды. СПб., 1908, т. 1, с. 109—117; *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. М., 1948, т. III, с. 177.

²⁷ *Ann. Comp.*, X, 3: οἱ δὲ Κόμανοι ὡς βάρβαροι τὸ κοῖφον καὶ εὐμετάβλητον ὡς φυσικὸν τι παρακολούθημα κεκτήμενοι...

²⁸ Ad Isaacium Angelum imperatorem post Scythas fugatos allocutio Philippopoli. — *Eustathii metropolitae Thessalonicensis Opuscula*/Ed. Th. L. Fr. Tafel. Francof. a. M., 1832, p. 41—45.

и быстро исчезающий кочевник-грабитель. Вот он схватил добычу, что выражено одним резким аористом: ἤρπασε, затем следует переход к настоящему времени для живости картины: половец хватается поводья, δράττεται χαλινῶδ, и гонит коня то пятками, то плетью (καὶ τὸν ἵππον κεντρίζει τὰ μὲν πτέρναις, τὰ δὲ μάστιγι). «В бегстве он отдается во власть ветров, вознося молитву, чтобы улететь быстрее ястреба: его еще не успели и рассмотреть, а он уже скрылся из глаз». И наконец, автор, увлеченный картиной, которую сам же нарисовал, заключает: «Эти скифы-номады (кочевники) на самом деле дромады (бегущие); они, так сказать, не имеют [неподвижного] места под ногами» (τοιοῦτοι δὲ ὄντες οἱ δρομάδες νομάδες, οὗτοι Σκύθαι, ὥς οὕτως εἰπεῖν, ἄτοποι)²⁹.

Третий из авторов, привлекаемый нами в качестве примера описания половцев, — Никита Хониат, принадлежавший к числу крупнейших византийских историков, политический деятель и оратор (середина XII в. — 1213 г.). Его «Хроника» представляет собой первоклассный источник по истории Византии и сопредельных стран и народов XII—начала XIII в. Хониату принадлежит одна из наиболее подробных в византийской историографии характеристик половцев, которых он называет и куманами, и скифами.

Приводим эту характеристику в нашем переводе, выполненном по новейшему изданию И. А. ван Диетена: «Для скифов (куманов. — *E. C.*) переправа через Истр не представляет трудности, [и поэтому] они легко совершают нападения ради грабежа и [так же] легко и неутомительно отступают.

Их оружие — горит с кривым луком и стрелами, привешенный сбоку к бедру. Есть среди них и такие, которые бросают дротики против врагов, оборачиваясь [при этом назад на всем скаку].

Лошадь и носит скифа в тяжелых битвах, и питает его [кровью] из рассеченной вены.

Плотом для скифов — при переправе через реку — [служит] кожаный мешок, наполненный соломой и запитый так тщательно, что ни капли жидкости не может просочиться внутрь. И вот скиф садится верхом на этот мешок, привязывает его к конскому хвосту и сверху накладывает седло и орудия войны; затем, используя лошадь подобно лодке, пользующейся парусом, он переплывает широкий, как море, Истр»³⁰.

Образ действий половцев у Никиты Хониата подобен описанному другими византийскими авторами: они грабят и похищают все, что попадает им на пути, быстры и неутомимы в своих операциях против ромеев³¹.

Как видим, даже близко соприкасавшиеся с половцами греки не обнаружили в их внешности ничего сверхъестественного. Во всяком случае, это не отразилось в византийских исторических сочинениях. Тем более трудно ожидать этого от западноевропейских хронистов, знавших половцев понаслышке. Пример тому — доведенная до 1146 г. «Хроника» Оттона Фрейзингенского (ок. 1115—1158), в которой упомянуты названия племен печенегов и «фалонов» (falones)³².

²⁹ Все приведенные цитаты из речи Евстафия см. в указанном издании Тафеля на с. 44, 49—50. Едва ли прав В. Г. Васильевский (Труды, т. 1, с. 6, примеч. 1), предполагая заимствование Евстафием при описании кочевников выражений из речи Феофилакта Болгарского (речь к императору Алексею I Комнину в 1092 г. — MGrGr., 126, col. 287). Феофилакт главным образом подчеркивает быстроту, неуловимость печенегов при набегах, огромное множество степняков: их больше, чем пчел весной. Правильнее думать, что почти в одних и тех же местах, при аналогичных обстоятельствах и впечатлениях обоих авторов от сходных между собой печенегов и половцев были в некоторой мере одинаковы. При этом оба византийских автора принадлежали к наиболее талантливым и образованным писателям XI—XII вв.

³⁰ *Nicetae Choniatae Historia* / Rec. I. A. van Dieten. Pars prior praefationem et textum continens. Berolini; Novi Eboraci, 1975, p. 94.

³¹ *Ibid.*, p. 93—94.

³² *Ottonis episcopi Frisingensis Chronica* / Ed. Hofmeister-Lammers (Ausgewählte Quellen zur Deutschen Geschichte des Mittelalters. B., 1960, Bd. XVI), VI, 10, p. 448.

Оттон Фрейзингенский называет эти племена мимоходом, не останавливаясь на их истории, не указывая их территории. В первом случае, чтобы объяснить, насколько велика была дикость угров, когда они в IX в. изгнали авар из Паннонии, он пишет: «Дабы кому-либо не показалось это невероятным, пусть он знает, что печенеги и те, кого называют фалонами, до сего дня питаются сырым и нечистым мясом, а именно конским и кошачьим»³³. Затем германский хронист отмечает искусство печенегов и фалонов в стрельбе из лука: они посылают стрелы даже «*dorsa vertentes*», т. е. поворачиваясь спиной к врагу.

Во втором случае Оттон при описании Паннонии сообщает, что «между севером и востоком находятся степи печенегов и фалонов»³⁴.

Кого же германский хронист назвал неизвестным и необычным именем фалоны? Как истолковать это этническое наименование, нигде, кроме сочинений Оттона Фрейзингенского, не встречающееся?!

Оба раза фалоны названы в «Хронике» Оттона вместе с печенегами и вслед за ними. Но упоминания об этих двух племенах различны. Печенеги прямо названы своим именем, «*resenati*», которое употреблено автором без пояснений, как известное и понятное всем. Имя же фалонов дано в «Хронике» в несколько усложненной форме, а именно: говорится не прямо «*falones*», а «те, кого называют фалонами» («*hii qui Falones dicuntur*»), т. е. читателю дается понять, что это не широко известное название племени, подобно наименованию печенегов, а нечто вроде прозвища.

Словами «до сего дня» («*usque hodie*») Оттон Фрейзингенский определяет время бытования печенегов и фалонов: до 1146 г., когда была окончена его «Хроника», или же, беря шире, период, который охватывал конец XI и первую половину XII в.

По нашему убеждению, последовательность в перечислении племенных названий: сначала печенеги, затем фалоны, некоторые общие черты (характер пищи, приемы стрельбы из лука) и время действия говорят за то, что фалоны — половцы.

Неясно, однако, почему Оттон, будучи германским писателем, не называл половцев куманами, т. е. так, как они именовались в средневековых европейских источниках (греческих, латинских, славянских с Балканского полуострова), или не определил их общеизвестным архаизирующим именем скифов³⁵. Последнее, правда, присуще в основном византийским авторам³⁶.

В новом издании «Хроники» Оттона Фрейзингенского слово *falones* приравнено к немецкому *Falben*, от прилагательного *falb*, что означает светло-желтый, белесоватый, а само слово *falones* объяснено как куманы³⁷. Подобное толкование вызвано тем, что слово «половцы», как показано выше, принято производить от «полова» — солома, «половый» — соломенно-желтый.

Однако правильно ли и *falones* подводить все к той же полове и находить в этом названии все тот же курьезный смысл: *Falben*, желтые, белокурые, светловолосые?

³³ «...quod ne cui incredibile videatur, audiat quod Pecenati et hii qui Falones dicuntur, crudis et inmundis carnibus, utpote equinis, cattinis, usque hodie, vescuntur».

³⁴ «...inter aquilonem et orientem Pecenatorum et Falonum... campania».

³⁵ *Moravcsik Gy. Op. cit., Bd. II, S. 167—168, 280—282.*

³⁶ Так писали о печенегах и половцах писатели XI—XII вв.: Михаил Пселл, Анна Комнина, Евстафий Солунский, Георгий Акрополит, Иоанн Киннам, Иоанн Цец, Феодор Продром и др. Вообще же византийские историки от V до XV в. называли скифами гораздо большее число племен и народов: гуннов, савиров, авар, болгар, узов, угров, печенегов, куманов, татар и турок. См., например: *Moravcsik Gy. Op. cit., B., 1958, Bd. I, S. 609.*

³⁷ См. указатель к кн.: *Ottonis episcopi Frisingensis Chronica*, p. 720. Точнее прилагательное *falb* означает блеклый, выцветший оттенок, главным образом — выпадающий в серый оттенок желтый цвет; особенно это слово приложимо к конской масти (по-русски — буланый).

Прежде всего следует отметить, что в Верхней Баварии, где писалась Оттоном его «Хроника», никогда никаких половцев не было; вообще на территории Южной Германии население их не видело. Годы, непосредственно предшествовавшие написанию «Хроники»³⁸, воспринимались автором как весьма тяжелые и мрачные для многих европейских стран³⁹; но, описывая бедствия Паннонии, он не отмечает войн или набегов, в которых бы участвовали половцы. Одним словом, Оттон Фрейзингенский не вводит половцев в число действующих лиц истории своего времени и региона, хотя, упоминая о них, и сообщает, что они существуют «до сего дня» (*usque hodie*).

Совсем иная картина представлена русскими летописями. Примерно в то же самое время, при киевских князьях Владимире Мономахе (ум. в 1125 г.), Мстиславе Владимировиче (ум. в 1132 г.) и Изяславе Мстиславиче (ум. в 1154 г.), продолжаются почти непрерывные и жестокие столкновения с половцами: «Бяху бо тогда налегли Половци на Русь»⁴⁰. Еще жива была память о грозных половецких ханах Тугоркане и Боняке, которые водили «всю Половецкую землю» и к Днепру, и к Карпатам, и к Дунаю, и чуть ли не к стенам Константинополя, перед которыми в 1091 г. трепетал за судьбу своего государства византийский император Алексей I Комнин.

Действительно, половцы уже с конца XI в. доходили до Дуная и нередко переправлялись через него, угрожая Фракии и самой византийской столице. Киевские князья либо сами выезжали против половцев, либо посылали лучших своих воевод, дабы отогнать этих хищников в глубину степей, на Левобережье Днепра или на Дунай, чтобы защитить днепровское Правобережье⁴¹.

Итак, в XI—XII вв. куманы (название, употребляемое в византийских источниках) временами угрожали владениям Византийской империи и они же, но только под именем половцев (так их называют древнерусские источники), непрестанно нападали на Русскую землю. Из этих мест, из Подунавья или же из Поднепровья, могли приходить в Южную Германию известия о степных кочевниках, вначале печенегам, а затем и половцам.

Оттон Фрейзингенский до 1146 г. (когда он окончил «Хронику»), по-видимому, не знал названия «куманы», хотя оно звучало и записывалось в Византии и на Балканском полуострове. Естественно предположить, что он получил сведения о куманах явно из тех мест, где куманы не назывались этим именем, скорее всего, из Руси, от русских. Это представляется вполне возможным.

Фрейзинген, расположенный на Изаре, правом притоке Дуная, и лежащий на путях к придунайским городам Пассау и Регенсбургу, оказывался в известной степени приближенным к... Руси. В XI—XII вв. русские купцы приезжали в Регенсбург, даже имели собственное подворье в этом городе. Торговля русскими товарами (это были главным образом отличные меха) в Регенсбурге и его экономические связи с Киевом вызвали оживленное движение между этими городами. Путь между ними

³⁸ «Хроника» создана в 1143—1146 гг., когда Оттон был (с 1138 г.) епископом во Фрейзингене. В 1145 г. он ездил по поручению Конрада III в Италию, к папе Евгению III. Уже за пределами освещаемого в «Хронике» времени он как участник II крестового похода побывал в Константинополе, в городах Малой Азии, в Иерусалиме. Оттон вернулся в Германию в 1148—1149 гг. (см. Введение к указанному изданию «Хроники»).

³⁹ *Haec mala nostris deibus in vicinis regnis pullulare cognoscimus.* — Ibid., VII, 21, p. 538.

⁴⁰ ПСРЛ, т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908 (далее: Ипат.), стб. 303 (6648=1140 г.).

⁴¹ См., например: ПВЛ, 1, с. 186 (6614=1105/1106 гг.): киевский князь Святополк Изяславич послал на половцев, напавших на волыньские земли, воевод Яня, Иванка Захарыча и Козарина, которые гнали кочевников до Дуная (ср.: Ипат., стб. 257).

простирались почти прямой магистралью через значительные торговые центры Восточной Европы — Краков и Прагу⁴².

Таким образом, приезжавшие в Регенсбург русские люди могли рассказать и, несомненно, рассказывали своим немецким знакомым о кочевниках, воевавших, а то и вступавших в мирные отношения с русскими. Рассказчики, конечно, называли кочевников половцами. Это слово, звучавшее нелепо и непонятно для немецкого уха, могло породить и, по всей видимости, породило искаженное отражение в виде названия *falones*. Кажется, ничто не мешает предположить, что слово *falones* представляет собой искажение русского названия «половцы», прошедшее через многих людей, не понимавших его, не умевших его ни произнести, ни тем более верно записать.

Примечательно, что Оттон не решился назвать этих фалонов прямо и просто их (предполагаемым) именем; быть может, он почувствовал, что это — специально русское их прозвище, и поэтому написал: «те, которые называются фалонами». Ведь и русский летописец, поясняя этническое имя куманы, вообще им вовсе неупотребляемое, прибавил словечко «рекше», т. е. «иначе», «что значит»⁴³.

В других случаях, когда Оттону требовалось что-либо объяснить, он обращался все к тому же обыкновенному и общеупотребительному глаголу *dicere*. Так, говоря о багдадском халифе, он пишет: «Багдад был отдан высшему своему первосвященнику, которого персы называют Халиф»⁴⁴. А говоря о прозвище одной из римских базилик, Оттон замечает: «В церкви спасителя, которая называется Константиниана»⁴⁵.

Итак, даже в наиболее подробных описаниях половцев, содержащихся в византийских и западноевропейских источниках, отсутствуют указания на их белокурость⁴⁶. Нам, во всяком случае, не удалось их обнаружить, равно как и нашим предшественникам, хотя некоторые из них и утверждали, что в источниках подобные указания имеются.

Тем не менее предложенная А. А. Куником этимология слова «половцы», искусственная и умозрительная, до настоящего времени кочует из работы в работу — как по инерции, столь губительной для науки вообще, так и потому, что взамен не было предложено иного, сообразующегося с духом источников, прежде всего древнерусских, объяснения этому этнику.

Показательна в этом плане небольшая статья А. Пономарева⁴⁷, который попытался сохранить традиционную этимологию слова «половцы», устраняя несуразность ее выведения от невероятной «белокурости» этого тюркского народа. Вначале А. Пономарев утверждает, что вопрос о происхождении этого этника «можно считать разрешенным», ссылаясь

⁴² Васильевский В. Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. — ЖМНП, 1888, июль; Шайган М. Э. Германия и Киев в XI в. — Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии за 1926 год. Л., 1927, вып. 1 (34); Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути. — В кн.: История культуры Древней Руси. Домонгольский период. М.; Л., 1948, т. I, с. 342—343.

⁴³ В «Повести временных лет» (I, с. 153) читаем: «Кумани, рекше Половци» (6604=1096 г.). В Новгородской Первой летописи по Синодальному списку под 6732 (1224) г. термины «Половчи» и «Куманы» употреблены поочередно, в качестве синонимов: «Много бо зла створиша ти оканънии Половчи Русьской земли, того ради всемилостивый бог хотя погубити безбожныя сыны Измаиловы Куманы» (Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950 (далее: НПЛ, с. 62)).

⁴⁴ *Ottonis... chronica*, VII, 3, p. 504: ...summo sacerdoti suo, quem ipsi (Perse) Caliph dicunt.

⁴⁵ *Ibid.*, VII, 18, p. 540: ... in ecclesia sancti Salvatoris, que Constantiniana dicitur.

⁴⁶ Вспомним, что византийские авторы, впервые соприкоснувшись со славянами, отметили их белокурость как черту, отличающую их от ромеев: «Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый и не совсем черный» (*Procopius Caesariensis. De bello vandalico*, III, 14, 27 / Ed. J. Naury. Lipsiae, 1906, vol. II, p. 357). Рус. пер.: Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. с греч. С. П. Кондратьева. М., 1950, с. 297.

⁴⁷ Пономарев А. Куманы-Половцы. — Вестник древней истории, 1940, № 3/4, с. 366—370.

на мнение А. А. Куника и на то, что это мнение «получило всеобщее признание»⁴⁸.

Одновременно А. Пономарев был вынужден согласиться с тем, что народы и отдельные люди, близко соприкасавшиеся с половцами, ничего не говорят об их светлых волосах (русские летописи, византийские и венгерские хроники). К этому он прибавляет, что и поздние путешественники, вроде Плано Карпини (середина XIII в.), также умалчивают о белокуроости половцев.

Поэтому А. Пономарев ставит вопрос иначе: «Не является ли слово „половцы“ простым переводом какого-либо собственно половецкого (турецкого) названия?» По его мнению, русское «половцы» и есть перевод тюркского слова «куман» или «кубан» (известно чередование звуков «м» и «б» в тюркских языках). Термин произведен от слова «куба», которое означает бледный, бледно-желтый. Таким образом, этникон половцы хотя и произведен от прилагательного бледно-желтый, тем не менее не связан с внешностью этих кочевников.

В ответ на могущий законно возникнуть вопрос, почему же русские перевели племенное название половцев, а не просто воспользовались им, А. Пономарев отвечает: «Переведено то, что поддается переводу, печенеги, татары и др. — непереводаемы».

В подтверждение своего мнения А. Пономарев приводит еще одно, как ему кажется, решающее соображение: в ногайском эпосе, например, слово «куба» в приложении к человеку содержит насмешливый оттенок, намек на уродство. Быть может, печенеги и торки, разбитые половцами и бежавшие к русским границам, передавали собственное имя половцев в подобном бранном значении. Оно и было принято русскими в соответствующем смысловом переводе, но без презрительного оттенка⁴⁹.

Как видим, и А. Пономарев в предложенной им этимологии не смог оторваться от образа чего-то желтого, белесоватого. Его мнение и систему доказательств принял Б. В. Лунин⁵⁰.

Приведенное выше построение выглядит искусственным. Остается открытым вопрос: кто и когда произвел этот перевод и как он мог распространиться на Руси? У нас нет сомнений в том, что этникон половцы родился на восточнославянских землях и имеет чисто русское происхождение.

Сознавая неестественность идущей от А. А. Куника этимологии слова «половцы» от «половый» в значении светловолосый, А. И. Соболевский скорректировал это мнение, ссылаясь на Ф. Миклошича, считавшего, что половцы не были светловолосыми и поэтому подобная этимология их племенного имени невозможна⁵¹. «Но, как кажется, дело не в том, — продолжает ученый, — было ли в половцах что-нибудь „полового“, а в названии их главной орды», которая именовалась Синей. А. И. Соболевский отмечает, что у татар была Синяя орда⁵². Действительно, известный по восточной литературе Улус Джучи, возникший в 30-х годах XIII в., назывался также Синей ордой. В восточнославянских источниках его именовали Золотой Ордой⁵³. Однако науке ничего не известно о половецкой Синей орде.

А. И. Соболевский утверждает, что в славянских языках (сербском, например) слово «плав» означает голубой, а «малорусское „половый“

⁴⁸ Там же, с. 366—367.

⁴⁹ Пономарев А. Указ. соч., с. 370.

⁵⁰ Лунин Б. В. Очерки истории Подонья—Приазовья. Ростов-на-Дону, 1949, кн. 1. От древнейших времен до XVII ст., с. 133.

⁵¹ Miklosich Fr. Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen. Wien, 1886, S. 256.

⁵² Соболевский А. И. Этимологические заметки. — ЖМНП, 1886, сентябрь, с. 154. См. также: Он же. Несколько этимологических названий. 4. Половцы. — Русский филологический журнал, 1910, т. LXIV, с. 175.

⁵³ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950, с. 35.

иногда употребляется как определение волов голубоватого цвета»⁵⁴. Однако последнее мнение опровергается авторитетным словарем украинского языка Б. Д. Гринченко, в котором, в частности, говорится: «О масті: светлорыжий; ... серый с желтым отливом... Ой воли мої та половії, чом же ви не орете?»⁵⁵. Как синий рассматривал половый цвет и А. Е. Крымский, полагая, однако, что имя половцы дано степнякам по шапкам синего цвета⁵⁶. Это предположение выглядит малоубедительным.

Еще одно объяснение происхождения слова «половцы» предложил В. А. Гордлевский. Он отметил, что, по его мнению, А. И. Соболевский стоял на верном пути, видя в этниконе половцы простой перевод тюркского термина. Но сам В. А. Гордлевский полагает, что половцы — перевод этника кыпчаки, а не куманы. Он ссылается на историю монгольской эпохи Рашид-ад-Дина (XIII—XIV вв.), толкующего слово «кыпчак» как пустое дерево, дупло. Ученый предлагает считать словосочетание «поле Половецкое» буквальным переводом средневекового мусульманского понятия «Дешт-и-Кыпчак» (поле или степь Кыпчаков)⁵⁷.

Следовательно, В. А. Гордлевский присоединяется, впрочем, не очень решительно, к толкованию Рашид-ад-Дином понятия «кыпчак» как нечто пустое, иначе говоря — полое. Заметим по этому поводу, что, хотя объяснение Рашид-ад-Дином слова «кыпчак», быть может, и верное, не следует, однако, предполагать, что уже в XI в. в Киеве и Поднепровье существовало точное понимание смысла этого этника. К тому же, и это самое главное, слово «кыпчак» неизвестно древнерусским летописцам. Не знают его византийские и латиноязычные авторы Европы.

Выглядит курьезной предпринятая в последнее время румынским историком П. Диакону попытка возродить наивную средневековую этимологию слова «половцы». Произведя этноним куманы от слова «кум» — степь, равнина, пространство, песок, он вкладывает в него смысл: обитатели степей, степняки. Далее П. Диакону сближает оба понятия семантически и утверждает, что «половцы» происходят от «поля»⁵⁸. Тем самым русское слово «половцы» представляется автору калькой тюркского «куманы». Разумеется, возвращение к наивной этимологии позднесредневековых хронистов, к тому же лингвистически несостоятельной, не может способствовать объяснению происхождения этника половцы.

Мало проясняет этот вопрос и обращение к авторитетным словарям. Сообразуясь с выводами научной литературы своего времени, составители словарей обычно не выходили за рамки этих выводов. Например, А. Щекатов в начале XIX в. полагал, что «название Половцев дали им Россияне, как некоторые мнят, от „полей“, по которым они кочевали, или от „полона“, чинимого ими у Россиян»⁵⁹, — это и немудрено, ведь предложена А. А. Куником этимология половцев от «половый» появится лишь в 70-х годах этого столетия. Зато впервые увидевший свет в 1910—1914 гг. словарь А. Г. Преображенского уверенно выводит половцев от прилагательного «половый»⁶⁰. Менее уверен был в подобной этимологии М. Фасмер, но и он, не видя альтернативы, отметил в своем словаре: «Во всяком случае, связано [слово „половцы“] с др.-русским „половь“ =

⁵⁴ Соболевский А. И. Указ. соч., с. 154.

⁵⁵ Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка. Киев, 1909, т. III, с. 285.

⁵⁶ Крымский А. Тюрки, їх мови та літератури. Київ, 1930, 1. Тюркські мови, вип. II, с. 158—159.

⁵⁷ Гордлевский В. А. Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве»). — Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз., 1947, т. VI, вып. 4, с. 320, примеч. 38. Впервые в отечественной литературе толкование имени кыпчак Рашид-ад-Дином приведено в статье: Березин И. Первое нашествие монголов на Россию. — ЖМНП, 1853, IX, с. 235—236.

⁵⁸ Diakoni P. Les Coumans au Bas-Danube aux XIe et XIIe s. Bucuresti, 1978, p. 9.

⁵⁹ Щекатов А. Словарь географический Российского государства. М., 1805, ч. 4, отд. 1 (М—П), стб. 1225.

⁶⁰ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959, т. II (фототипическое воспроизведение издания 1910—1914 гг.).

„светло-желтый“; одновременно ученый привел без опровержения и мнение Пономарева—Гордлевского, исходивших из значения «голубой»⁶¹.

По всей вероятности, отсутствие удовлетворительного с исторической точки зрения объяснения этникона половцы в научной литературе не раз приводило к тому, что авторы ряда работ, посвященных кочевникам южнорусских степей, и в прошлом и в настоящем обходили молчанием этот вопрос. Можно назвать упомянутую выше книгу П. Голубовского, а также вышедшее в конце 40-х годов нашего века историко-географическое сочинение К. В. Кудряшова⁶² и сравнительно недавнюю обстоятельную статью С. А. Плетневой⁶³.

Не случайно такой выдающийся знаток древнерусской письменности, каким был академик Н. П. Лихачев, однажды воскликнул: «Навсегда ли останется тайной убедительная этимология названия „половцы“? Не безнадёжно ли это?»⁶⁴.

По нашему убеждению, удовлетворительное объяснение сугубо русского слова «половцы» могут дать только русские же, точнее, древнерусские источники, летописи. К анализу их свидетельств мы и переходим.

Выше было показано, что слово «половцы» — не самоназвание и вообще не этническое наименование тюркского кочевого народа в буквальном смысле данного понятия. Это дал почувствовать нам сам древнерусский летописец («Кумани, рекше Половци»). По всей вероятности, сами половцы называли себя именно куманами. Так, в Ипатьевском, Хлебниковском, Погодинском, Академическом и Радзивилловском списках «Повести временных лет» читаем: «И вѣда Мѣстислав стяг Володимерь Половчину именемъ Куману»⁶⁵. А в описании похода русских князей на половцев 1103 г. в том же источнике среди 20 убитых половецких князей назван и Куман⁶⁶. Но тем не менее русские книжники пользуются в основном термином «половцы». Слово «половцы» родилось благодаря какой-то характерной черте куманов. Для ответа на вопрос, какой именно, придется углубиться в летописи.

Как ни странно, но при поисках объяснения слова «половцы» нет оснований ссылаться на неполноту и отрывочность лингвистически близких материалов и даже аналогий, как это делается обычно в подобных случаях. Надо только всмотреться и вдуматься в замечательные фонды древнерусского языка в летописях, особенно же в тех, где больше всего слышится живая речь о событиях, связанных с половцами. Мы имеем в виду главным образом Ипатьевскую летопись (в той части, где помещен Киевский свод XII в.) и кое-какие лингвистические образцы из древнейшей Первой Новгородской летописи.

Вот эти-то материалы — далеко не скудные — в соединении с общей картиной под названием «Русь и кочевая степь» (в их борьбе и соприкосновениях) дают возможность подыскать ключ к загадке.

Неизбежно встает вопрос: почему половцы, имея общеизвестное — и знакомое русским! — имя куманы, получили на Руси особое название? Ведь в древнерусский язык без изменений вошло другое племенное наименование — печенеги, хорошо известное по иностранным источникам.

«Повесть временных лет» под 915 г. сообщает: «Придоша Печенези первое на Рускую землю, и сотворивше мир с Игорем, и приидоша к Дунаю»⁶⁷. Под 968 г. этот источник вновь отмечает: «Придоша Печенези

⁶¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971, т. III, с. 313.

⁶² Кудряшов К. В. Половецкая степь. М., 1948.

⁶³ Плетнева С. А. Половецкая земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.

⁶⁴ Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1930, вып. 2, с. 29.

⁶⁵ Ипат., стб. 229. См.: Scheffler L. Textkritischer Apparat zur Nestorchronik. München, 1977, S. 743.

⁶⁶ ПВЛ, 1, с. 184.

⁶⁷ Там же, с. 31.

на Руску землю первое, а Святослав бяше Переяславци, и затворися Волга в граде Киеве»⁶⁸. Между этими двумя известиями нет противоречия: во втором случае печенеги впервые («первое») воевали Русскую землю.

Примерно так же появляются в «Повести временных лет» и половцы. Первые сведения о них содержатся в летописи Нестора под 1055 г.: «В семь же лете приходи Болушь с Половци, и створи Всеволод (Ярославич) мир с ними, и возвратишася Половци вспять, отнюду же пришли»⁶⁹. А под 6569 г. (что соответствует 1062 г.) в «Повести» сказано: «Придоша Половци первое на Русьскую землю воевать; Всеволод же изиде противу им, месяца февраля в 2 день. И бившимся им, победиша Всеволода, и воевавши отыдоша. Се бысть первое зло от поганых и безбожных враг»⁷⁰. Как видим, описания появления тех и других кочевников на рубежах Руси в летописи идентичны, и не в них надо искать загадку рождения этнонима половцы.

Отметим, что записи «Повести временных лет» под 1055 г. о первом появлении половцев на Руси непосредственно предшествует сообщение о войне киевского князя с другими кочевниками тюркского происхождения — торками: «В се же лето иде Всеволод на Торкы зиме к Воиню»⁷¹, и победы Торкы»⁷². Это — первое заслуживающее доверия сведение о встрече русских с торками (известие Нестора 985 г. о торках как о союзниках Владимира Святославича в войне с болгарами, по всей вероятности, относится к печенегам, поскольку торки пришли в южнорусские степи лишь в середине XI в.⁷³). Здесь впервые половцы названы рядом с торками. Мы считаем это важным обстоятельством в деле решения вопроса о происхождении этнонима половцы.

Ничего не дают для объяснения этого загадочного слова и наблюдения над особенностями употребления в летописях терминов «куманы» и «половцы». Рассказ Новгородской Первой летописи старшего извода (Синодальный список) о первом приходе татарских завоевателей на Русь в 1223 г. убеждает, что летописец употребил имя куман в качестве синонима имени половец дабы разнообразить изложение: «Слышахом бо, яко многы страны поплениша [Татары], Ясы, Обезы, Касоги, и Половчъ безбожных множество избиша, а инех загнаша, и тако измроша убиваемы гневомъ божиемъ и пречистыя его матере; много бо зла створиша ти оканнии Половчи Русьской земли, того ради всемилостивый бог хотя погубити безбожныя сыны Измаиловы Куманы, яко да отмстить кровь крестьянскую, еже и бысть над ними безаконными. Проидоша бо ти Таурмени (здесь: Татары. — Е. С.) всю страну Куманьску и придоша близ Руси, идеже зоветься вал Половчъскы»⁷⁴.

Интересно отметить, что в менее распространенном рассказе Галицкой летописи об избиении татарскими ордами половцев в 1223 г. последние выступают только под этим именем⁷⁵: по-видимому, лапидарный характер повествования не побудил летописца прибегнуть к синониму куманы. Зато в текстуально близком к известию Новгородской Первой летописи старшего извода и генетически зависящем от него подробном рассказе Московского летописного свода конца XV в. о тех же событиях мы встречаем наряду с именем половцы и этноним куманы, и «страну Куманьску»⁷⁶. Точно так же в качестве синонима и одновременно объяснения употребляет галицкий летописец термин «Измаилтяне»: князь Роман

⁶⁸ Там же, с. 47.

⁶⁹ Там же, с. 109.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Древнерусский город-крепость в устье р. Сулы.

⁷² ПВЛ, 1, с. 109.

⁷³ ПВЛ, 2, с. 329 (комментарии Д. С. Лихачева).

⁷⁴ НПЛ, с. 62.

⁷⁵ Ипат., стб. 740—741.

⁷⁶ ПСРЛ, т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949, с. 118.

Мстиславич «ревноваше бо деду своему Мономаху, погубившему поганых Измалтяны, рекомых Половци»⁷⁷.

Рассмотрение ранних известий летописей о вторжениях половцев в пределы Русской земли приводит к выводу, что чаще всего они действуют на Левобережье Днепра. Так, первое локализуемое летописью сражение русских с половцами в 1068 г. состоялось на р. Альте, неподалеку от Переяслава: «Придоша иноплемьници на Руську землю, Половци мнози. Изяслав же, и Святослав, и Всеволод (Ярославичи) изидоша противу имь на Лъто»⁷⁸. В том же году «Половцем воюющим около Чернигова, Святослав же собрав дружины неколико, изиде на ня ко Сновьску»⁷⁹. В 1078 г. Олег Святославич и Борис Вячеславич привели своих союзников половцев «на Русьскую землю, и поидоста на Всеволода с Половци. Всеволод же изиде противу има на Съжице⁸⁰, и победиша Половци Русь»⁸¹.

Итак, впервые половцы вступают в противоборство с Русью на левом берегу Днепра. В связи с этим уместно поставить вопрос о локализации основного района половецких кочевий.

Хотя нередко случаи появления и даже длительного пребывания половецких орд на правом берегу Днепра, все же обитали они главным образом к востоку от этой реки, т. е. на днепровском Левобережье. Об этом прямо говорят летописи.

Когда в 1152 г. война между Изяславом Мстиславичем киевским и Юрием Долгоруким суздальским достигла высшей точки накала, «тогда же Ярославичь Ростислав с братиею и с Рязанци, и с Муромци поидоша с Гюргем, а не отрекоша ему тако же и Половци, и Отперлюеве, и Токсобици, и вся *Половецкая земля, что же их межи Волгою и Днепром*»⁸² (тут и далее курсив наш. — Е. С.).

Описывая первый приход татарских войск в Восточную Европу, галицкий летописец сообщает: «Приде неслыханая рать, безбожнии Моавитяне, рекомыи Татаръве, придоша на землю Половецкую... И мнози [Половцы] избьени быша, *до реки Днепра*. Татаром же возвратившися, идоша в вежа своя. Прибегшим же Половцемъ в *Руску землю*»⁸³ (т. е. за Днепр, на Правобережье. — Е. С.). Продолжая свой рассказ, летописец отмечает: «*Переидоша же вси князи реку Днепр, инии князи придоша, и поидоша в поле Половецкое*»⁸⁴. Следовательно, Половецкое поле начиналось сразу же за Днепром.

Естественно поэтому, что летопись называет правую сторону Днепра Русской — в противоположность и противопоставление левой, Половецкой. В 1193 г. Ростислав Рюрикович вместе с союзными черными клобуками пошел на половцев. «И ехаша изъездом, — повествует киевский летописец, — и быша на Ивле, на реце на Половецкой, и ту изымаша сторожа Половецкыя, и взявше у них вестъ, аже Половци днища вдалье лежать, и стада *по сей стороне Днепра, по Руской*»⁸⁵.

Эта Русская сторона Днепра считалась тогда также Киевской. Под 1170 г.⁸⁶ Киевский свод сообщает: «Тое же зимы *придоша Половци на Киевскую страну* и взяша множество сел за Киевом»⁸⁷, а под 1185 г. тот же источник свидетельствует: «Молвяшеть бо Кончак: „Поидем на Киевскую сторону, где суть избита братья наша“»⁸⁸.

⁷⁷ Ипат., стб. 716.

⁷⁸ ПВЛ, 1, с. 112.

⁷⁹ Там же, с. 115.

⁸⁰ Приток р. Сулы.

⁸¹ ПВЛ, 1, с. 132.

⁸² Ипат., стб. 455.

⁸³ Там же, стб. 740.

⁸⁴ Там же, стб. 742.

⁸⁵ Там же, стб. 677.

⁸⁶ *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания, с. 187.

⁸⁷ Ипат., стб. 562.

⁸⁸ Там же, стб. 646.

Вслед за Б. А. Рыбаковым С. А. Плетнева обратила внимание на следующее место «Слова о полку Игореве»: «Збися див, кличет врѣху древа: велить послушати земле незнаеме, Влѣзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тьмутараканьский блѣван!»⁸⁹. Исследовательница полагает, что в этом отрывке «перечислены почти все пограничные половецкие земли, устанавливаемые и по статуям»⁹⁰. Ею составлена карта распространения каменных половецких изваяний, из которой также следует, что половцы занимали обширные земли между Днестром и Волгой.

Наряду с упоминаниями о половцах в целом летописи с 40-х годов XII в. особо выделяют диких половцев. Высказывалось авторитетное мнение, что дикие половцы — остатки половецких орд, разбитых на Донце в результате походов русских войск в 1111—1116 гг. и осевших в бассейне Дона⁹¹. С. А. Плетнева считает орды диких половцев принципиально новыми образованиями, составленными уже не по кровнородственному признаку (как, например, орды Отперлюеве, Токсобичей, Ельтукови), но по принципу вассально-иерархических отношений и сложившимися к середине XII в. Она соглашается с тем, что одна из орд диких половцев кочевала в Подонье. Это следует из несомненной связи диких половцев с черниговскими Ольговичами и Юрием Долгоруком, в подтверждение чего приводятся примеры из летописей 1146—1151 гг.⁹²

Вместе с тем С. А. Плетнева думает, что часть диких половцев располагалась на Правобережье Днепра. Она руководствуется следующими соображениями. В 1161 г. против киевского князя Изяслава Давидовича ополчилась коалиция из нескольких князей, объединившихся в верховьях Стугны и Роси. Об этом узнали дикие половцы, «устерегоша рать и пригнаша к Изяславу, и поведаша ему рать велику»⁹³. По мнению С. А. Плетневой, дикие половцы узнали об этом только потому, что кочевали в указанном районе Правобережья⁹⁴. Но почему не допустить, что дикие половцы служили тогда кому-нибудь из русских князей или вообще совершили набег на Правобережье?

Еще менее весом другой аргумент С. А. Плетневой. В 1195 г. Ярослав Всеволодович черниговский обязался перед Рюриком Ростиславичем киевским «не востати на рать до ряду» (до попытки уладить дело миром со Всеволодом суздальским и Давидом смоленским). Рюрик тогда «роспусти дружину свою, и братью свою, и дети своя, и дикий Половци отпусти в вежи своя, одарив я дарми многими, а сам еха во Вручий своих деля орудий»⁹⁵. По поводу данного фрагмента Киевской летописи исследовательница пишет: «Может быть, эти два события поставлены рядом потому, что оба они касаются западной окраины Киевского княжества?». И уверенно утверждает, что наряду с левобережными существовали и правобережные дикие половцы⁹⁶.

Но внимательное изучение летописной статьи 1195 г. приводит к мнению, что дикие половцы были приведены в Киевскую землю Всеволодом Юрьевичем суздальским, союзником Рюрика в его кампании против Ярослава и «всех Ольговичей», — в этой кампании Всеволод явно играет ведущую роль, и именно к нему апеллируют Ольговичи: «Ажь ны еси вмѣнил Кыев тоже ны его блюсти под тобою и под сватом твоим Рюриком, то в том стоим». Однако, когда Всеволод решил идти на Ольговичей, те «кланяючися и емлючися ему по всю волю его»⁹⁷. А суздальские князья

⁸⁹ Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950, с. 12.
⁹⁰ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 276.

⁹¹ Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. — КСИИМК, 1952, вып. 43, с. 44, рис. 15а.

⁹² Плетнева С. А. Указ. соч., с. 279.

⁹³ Ипат., стб. 517.

⁹⁴ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 281.

⁹⁵ Ипат., стб. 690.

⁹⁶ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 282.

⁹⁷ Ипат., стб. 688—689.

систематически опирались на половецких ханов в политической борьбе на Руси⁹⁸.

В действительности летописцы уверенно и единодушно указывают область обитания диких половцев к востоку от Днепра. К подтверждающим это мнение примерам из летописи, приведенным С. А. Плетневой, добавим следующие. В 1149 г. Изяслав и Ростислав Мстиславичи воевали с Долгоруким. «Изяслав же и Ростислав, — сообщает Киевский свод XII в., — исполциста воя своя и пойдоста к Переяславлю. И в то вереме примчаша к нима Половщина дикого, емъши у Переяславля, идеже они стреляли, и начаста его прашати: „От которого есте становища поехали“, он же рече: „Издаlechа есми поехали“»⁹⁹, т. е. из глубин территории, простиравшейся к востоку от Днепра. В 1196/97 г. Рюрик Ростиславич киевский ждал в Чернигове Всеволода Юрьевича суздальского «с братьею своею, и с дружиною своею, и с дикими Половци»¹⁰⁰. А в 1197 г. Ярослав Всеволодович черниговский «еха противу Всеволоду [Юрьевичу] и Давыдови [Ростиславичу], совокупив братью свою, и сыновця своя, и дикыи Половци»¹⁰¹. Из обоих контекстов 90-х годов XII в. следует, что дикие половцы кочевали невдалеке от рубежей Черниговской земли.

Из сказанного проистекает, что летописную локализацию Половецкой земли «межи Волгою и Днепром» следует признать достоверной. Половцы обитали на Левобережье Днепра, которое, в противоположность Русской стране (стороне) считалось тогда Половецкой страной.

Днепр вообще играл выдающуюся роль в жизни Древней Руси. Мощный природный водный рубеж, он не только отделял Половецкую землю от Русской, но и служил границей между Киевской и Черниговской землями. В 1026 г. Ярослав Владимирович «совокупши воя многы, и приде Къеву, и створи мир с братом своим Мъстиславомъ у Городьця. И разделиста по Днепр Русьскую землю: Ярослав приа *сю сторону*, а Мъстислав *ону*»¹⁰².

Летописцы в известиях о междукняжеских столкновениях и вторжениях кочевников часто упоминают Днепр в качестве естественной границы или преграды. Когда в 968 г. Святослав Игоревич с дружиной находился в Болгарии, печенегии осадили Киев. «И затворися Волга [Ольга] в граде с унуки своими... — пишет Нестор. — И оступиша печенези град в силе велице... Собрашася людье *оной страны Днепра* в лодьях, *об ону страну стояху*, и не бе лъзе внити в Киев ни единому их, ни из града к онем»¹⁰³. В 1015 г. Ярослав пошел на сидевшего тогда в Киеве Святополка. «Повесть временных лет» описывает это следующим образом: «Слышав же Святополк идуща Ярослава, пристрои бещисла вой, Руси и печенег, и изыде противу ему к Любичю *об он пол Днепра*, а Ярослав *об сю*» (сторону. — *Е. С.*). А в начале следующей летописной статьи, под 1016 г., Нестор отмечает: «Приде Ярослав на Святополка, и сташа противу *обапол Днепра*»¹⁰⁴, т. е. по обеим сторонам реки.

В кампании против половцев хана Тугоркана 1096 г. у Переяславля «Святополк [Изяславич] же и Володимер [Мономах] пойдоста на *нь по сей стороне Днепра* (правым берегом. — *Е. С.*) и придоша к Зарубу и ту перебродистася... и исполчишася пойдоста к граду»¹⁰⁵ — стоящему на левом берегу Переяславлю. «Оная сторона Днепра» в значении противопо-

⁹⁸ См., например, одну из многих аналогичных по смыслу записей в Киевском своде о сотрудничестве Юрия Долгорукого с кочевниками: «И Половци дикие придоша к Гюргеву ту на Супой многое множество» (Ипат., стб. 377, 1149 г.).

⁹⁹ Ипат., стб. 379.

¹⁰⁰ Там же, стб. 694.

¹⁰¹ Там же, стб. 698.

¹⁰² ПВЛ, 1, с. 100.

¹⁰³ Там же, с. 47.

¹⁰⁴ Там же, с. 96.

¹⁰⁵ Там же, с. 151.

ложной Русской, правобережной, неоднократно выступает в летописных записях первой половины XII в.¹⁰⁶

Знаменательно, что в политической жизни Новгорода Великого река Волхов играла не менее важную роль, чем Днепр — в Южной Руси. Именно Новгородская летопись, по нашему мнению, подводит к объяснению образования этнонима половцы.

В древнем Новгороде выражением «он пол» определялась часть города на правом берегу Волхова, противоположная той, на которой находился Кремль («сия сторона»). Под 1097 г. в Новгородской летописи читаем: «Погоре он пол»¹⁰⁷. А в летописной статье 1157 г. о «вystани» против Мстислава Юрьевича нарисована яркая картина, в которой немалое значение имеет Волхов: «И въсташа на князя Мъстислава на Гюргевиця, и начаша изгонити из Новагорода, *търговый же пол* сташа в оружии по немъ; и съвадишася братья, и мост переимаша на Влъхове, и сташа сторожи у городьных ворот, а друзии *на оном полу*»¹⁰⁸.

Под 1218 г. в Новгородской Первой летописи старшего извода, источнике чрезвычайно авторитетном, помещен рассказ о народных волнениях в Новгороде: «И вѣиде лжа в город: выдал Твърдислав (новгородский посадник. — *Е. С.*) князю Матея, и възвониша у святого Николы *они половици* черес ночь. . . И поидоша *они половици* и до детии в брънях, акы на рать, а неревляне (жители Неревского конца. — *Е. С.*) также; а *загородьци* не въсташа ни по сих, ни по сих, нъ зряху перезора. . . И бысть сеця у городьных ворот, и побегоша *на он пол*, а друзии в коньць [Неревский] и мост переметаша, и переехаша *они половици* в лодьях, и поидоша силою»¹⁰⁹.

Отсюда следует, что «они половици» — люди с той стороны (Волхова в данном случае). Поражает сходство, даже тождество этого словосочетания с встреченным нами в Киевской летописи под 1170 г.: «Глеб [Юрьевич] ехал *на ону сторону к онемъ Половецемъ*»¹¹⁰. Таким образом, по «оной стороне» Днепра обитали «они Половци» — тамошние, левобережные половцы. Случайно ли это сходство? Мы полагаем, что нет.

Действительно, из приведенных выше свидетельств летописей следует, что русские люди воспринимали половцев как народ, живший на противоположной стороне Днепра — Половецкой, т. е. на «оной», «оном полу» или просто «полу». Ибо своя сторона Днепра считалась «сей», Русской¹¹¹. Следовательно, слово «половец» образовано по месту обитания кочевников — подобно другому слову — «тоземец».

Рассказывая об основании в середине 50-х годов XIII в. города Холма, галицкий летописец сообщает, что Даниил Романович «вопраша тоземец, как именується место се»¹¹². Тоземец — житель той земли, точно так же, как половец — житель того, «оного пола».

На возможность образования этника половцы от слова «пол» указывает и этникон низовцы, произведенный от понятия «низ». Низовской землей или просто Низом называли в XIII в. Верхнее и Среднее Поволжье, Ростово-Суздальский край. В 1234 г. князь Ярослав Всеволодович сразился с немцами под Юрьевом и победил их. «И възвратишася новгородци сдрави вси, — отмечает новгородский летописец, — а низовьчъ неколико паде»¹¹³. Низовцы составляли заметную военную силу в войске Александра Невского в битве с Тевтонским орденом на Чудском озере в 1242 г.: «Поиде князь Олександр с новгородци и с братом Андреем и

¹⁰⁶ См., например: Ипат., стб. 296 (1134/35 г.), 398, 416 (1150—1151 гг.), 423—424 (1151/52 г.) и др.

¹⁰⁷ НПЛ, с. 202.

¹⁰⁸ Там же, с. 30.

¹⁰⁹ Там же, с. 58—59.

¹¹⁰ Ипат., стб. 556.

¹¹¹ Там же, стб. 677.

¹¹² Там же, стб. 842.

¹¹³ НПЛ, с. 73.

с низовци на Чюдскую землю на Немци»¹¹⁴. А когда в 1256 г. шведские феодалы напали на Новгородскую землю, «тогда же не быше князя в Новгороде, и послаша новгородци в Низ к князю по полкы»¹¹⁵.

Может возникнуть законный вопрос: почему же предшественники половцев в южнорусских степях печенеги выступают в древнерусских источниках под собственным именем и не получили специально русского наименования, как это случилось с куманами? Как нам кажется, существовало две причины этого. Во-первых, печенеги кочевали на пространстве между Днестром и Дунаем¹¹⁶, следовательно, на Русской стороне Днестра. Здесь не могло возникнуть противопоставление. Во-вторых, во времена печенежских нападений на Русь там не знали других кочевников, обитавших, как и печенеги, вблизи южных границ восточнославянского государства и которых можно было бы противопоставить печенегам. Такими кочевниками во второй половине XI—XII в. были союзные Руси тюркские племена, которые русские летописцы в XII в. называют сборным именем черные клобуки. Они представляли собой остатки племен торков, печенегов, берендеев и др., которых половцы вытеснили из черноморских степей. Половцы и черные клобуки постоянно враждовали между собой. Чаще других среди черноклобуцких племенных союзов летописцы называют торческий.

Торки, как упоминалось, появляются в южнорусских степях одновременно с половцами. Под 1054 г. «Повесть временных лет» повествует: «В се же лето иде Всеволод [Ярославич] на торкы зиме к Воиню, и победи торкы»¹¹⁷. Русские войска нанесли решительное поражение торкам в 1060 г.¹¹⁸, после чего те в 1064 г. перешли Дунай и даже подступили к Константинополю. Грекам удалось рассеять их; часть торков была поселена в Македонии, а те, кто вернулся в Северное Причерноморье, поселились на южных окраинах Киевского государства¹¹⁹. В 1080 г. жившие на рубежах Переяславского княжества торки «заратипаша», но Владимир Мономах усмирил их¹²⁰, после чего эти тюркские племена выступают в летописи исключительно в роли вассалов русских князей.

Торки постоянно воевали с половцами, которые угрожали самому существованию их племенного союза. В 1093 г. половцы осаждают их племенной центр Торческ, и киевский князь Святополк не в силах помочь торкам. В 1116 г. торки в союзе с печенегами восстают против половцев, военная мощь которых была подорвана успешными действиями русских войск под водительством Мономаха¹²¹.

Летописцы не раз подчеркивают приверженность торков к русским, противопоставляя их в этом смысле половцам. Так, киевский летописец под 1125 г. замечает: «Слышавше же се врази Половци смерть Володимерю, и присунушуся к Барючу, рекше: „Возмем Торкы их“»¹²². Когда в 1154 г. внезапно умер великий князь киевский Изяслав Мстиславич, борьба за киевский стол достигла особой остроты. Вокняжившийся в Киеве его брат Ростислав, узнав, что Глеб Юрьевич привел к Переяславу множество половцев, «пойде полкы своими, и пойма Всеволодича Святослава, и Мьстислава Изяславича, и Торкы, [и] Кыяне, и переиде Днепр [у] Вышегорода»¹²³.

Вместе с русским войском торческие отряды часто встречаются половцев на Русской, или Киевской, стороне Днестра: «Тое же зимы (1169/70 г. — Е. С.), — эпически повествует киевский летописец, — при-

¹¹⁴ Там же, с. 78.

¹¹⁵ Там же, с. 81.

¹¹⁶ Васильевский В. Г. Византия и печенеги, с. 9.

¹¹⁷ ПВЛ, 1, с. 109.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Васильевский В. Г. Византия и печенеги, с. 26—29.

¹²⁰ ПВЛ, 1, с. 135.

¹²¹ Там же, с. 145, 201. См.: ПВЛ, 2, с. 483 (комментарии Д. С. Лихачева).

¹²² Ипат., стб. 289.

¹²³ Там же, стб. 472.

доша Половци на Киевскую страну, и взяша множество сел за Киевом с людьми и скоты и с коньми, и поидоша со множеством полона в Половце». Киевский князь Глеб Юрьевич послал на врага своих братьев Михалка и Всеволода. Те «идоста вборъзе по Половцех и зыгониша я за рекою Бугом с Береньдеи и с Торкы»¹²⁴.

С середины XII в. на страницах летописей появляются черные клобуки. Под 1169 г. киевский летописец объясняет этот термин: «И поиде Мьстислав Киеву на стол. . . и приде к Микулину, и ту придоша ему Берендичи вси, и Торци, и Печенези, и *всь Черный Клобук*»¹²⁵. Как и их составная часть торки, черные клобуки обитали на Русской стороне Днепра, в бассейне реки Роси. В борьбе за Киев Изяслав Мстиславич в 1146 г. вышел из Переяслава (стоящего на левом берегу Днепра) «и переиде Днепр у Заруба; и ту (на правом берегу. — *Е. С.*) прислашася к нему Чернии Клобуци и все Поросье»¹²⁶.

Как по велению русских князей, так и по собственной инициативе черные клобуки совершают рейды за Днепр, вторгаясь в половецкие степи. В 1188 г. «сдумав Святослав (Всеволодович, великий князь киевский. — *Е. С.*) со сватом своим с Рюриком [Ростиславичем] посласта Черный Клобук на вежа [половецкие] за Днепр и Романа Нездиловича воеводою. И взяша вежа за Днепром. . . Половци бо бяхуть шли в Дунай и не бе их дома в вежах своих»¹²⁷.

Летописцы неоднократно создают зримый образ противостояния половцев и черных клобуков на разных берегах Днепра. В разгар соперничества за киевский стол между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким в 1151 г. последний обратился за помощью к традиционным союзникам — половецким ханам. Изяслава поддерживали вассальные черноклобучьих предводители. Киевский свод сообщает: «Половцы же Гюргеви идяху по луку (по левой стороне Днепра. — *Е. С.*), Вячслав же (Владимирович, дядя Изяслава. — *Е. С.*) и Изяслав с братом своим Ростиславом, и с Изяславом Давыдовичем, и с Ярославом братом своим, и с Городеньским князем, и с дружиною своею, и с Кияны, и с Черными Клобуки и тако угадавше, поидоша *по сей стране Днепра*»¹²⁸.

Черные клобуки сами признавали Днепр границей с половцами. В 1192 г. они вместе с русскими князьями Святославом и Ростиславом Владимировичами (правнуками Маномаха. — *Е. С.*) пошли против половцев, полагая, что основные силы тех ушли в Подунавье. Однако оказалось, что половцы остались в местах своих кочевий, на Левобережье Днепра. «Черные же Клобуци, — замечает киевский летописец, — не восхотеша ехати за Днепр, бяхуть бо свато[ве] (т. е. половцы — *Е. С.*) им сядяще за Днепром близ, и роспревшеся, и возвратишася во свояси»¹²⁹.

Следовательно, древнерусские источники второй половины XI—XII в. рисуют яркую картину конфронтации половцев и черных клобуков на противоположных берегах Днепра. На это военное противостояние двух ветвей кочевников обратил внимание еще Д. А. Расовский: «Если пристальнее присмотреться ко всем большим междоусобиям конца XI и всего XII в., то не трудно будет в них увидеть, что эта борьба, борьба за Киев, велась между Приднепровьем правым и левым, между князьями суздальской, черниговской, северской Руси и волынскими и смоленскими князьями, в обладании которых преимущественно был Киев. В Правобережье для этой борьбы существовала замечательно удобная и количественно большая сила Черных Клобуков, которой киевские князья очень широко и пользовались. Левобережье же не могло из собственных сил противопоставить что-либо равноценное этим тюркским вспомогательным

¹²⁴ Там же, с. 562.

¹²⁵ Там же, стб. 533.

¹²⁶ Там же, стб. 323.

¹²⁷ Там же, стб. 659.

¹²⁸ Там же, стб. 424.

¹²⁹ Там же, стб. 674.

войскам. Отсюда — обращение левобережных претендентов в степи, к „диким“ Половцам, единственно равной Черным Клобукам военной силе»¹³⁰.

Предложенный Д. А. Расовским взгляд на сущность политической жизни Древней Руси эпохи феодальной раздробленности, конечно, далек от реальности, равно как и на причины, побуждавшие, по его мнению, суздальских и черниговских князей обращаться за помощью к половецким ханам. Однако историк чутко уловил постоянное поле напряжения на русско-половецкой границе, полюсами которого были противостоявшие друг другу племенные союзы половцев и черных клобуков.

Таким образом, рассмотренные выше летописные свидетельства убеждают в том, что для русских людей половцы были обитателями той («оной»), чужой стороны Днепра (об он пол = половцы¹³¹) и в этом качестве отличались от «своих поганых», черных клобуков, обитавших на этой («сей»), своей стороне реки. В этом противопоставлении и родился специфически русский этникон они половици или просто половици, трансформировавшийся в процессе развития древнерусского языка в половци.

Звуковые процессы старославянского языка (на основе которого сложился язык древнерусский), отразившиеся в памятниках письменности до конца XI в., характеризуются, в частности, утратой слабого сверхкратного «и», вместо которого часто пишется «ь»¹³². Это явление, по нашему мнению, протрупаает в этниконе половци, который в летописных текстах в ряде случаев сохраняет звук «ь». Так, под 1106 г. видим в Новгородской Первой летописи старшего извода: «Избиша Половче на Дунаи»¹³³. В этом же источнике под 1111 г. сказано: «Иде Святопѣлк, Владимир, Давыд и вся земля просто Руская на Половче»¹³⁴.

Написание этникона половци с мягким знаком после «в» сохраняется в Новгородской и некоторых других летописях во второй половине XII — первой трети XIII в. Под 1167 г. Новгородская Первая летопись старшего извода отмечает: «На ту же зиму ходи Мѣстислав на Половче, и победи е»¹³⁵. Описывая битву на Калке 1223 г., новгородский летописец также употребляет этникон половци¹³⁶. Эта форма встречается изредка и в Киевском своде XII в.¹³⁷

В заключение отметим, что слово «половцы» родилось на Днепре, на его Правобережье, куда с «оного пола» постоянно врывались страшные кочевники. Но этот этникон звучал и вдали от среднего Поднепровья, и вообще за пределами Руси. Люди и близких и далеких языков вряд ли могли связывать слово «половцы» с понятием «пол» или «он-пол», для них это было чуждо по отношению к народу. По всей видимости, термин «половцы» появился довольно рано и вскоре перестал пониматься как происходящий от «пол» («он-пол»). Возможно, в дальнейшем его могли связывать с более понятным прилагательным «половый».

Таково объяснение возникновения сугубо русского этникона половцы, основывающееся на сравнительном изучении летописей.

Подготовил к печати Н. Ф. Котляр

¹³⁰ Расовский Д. А. О роли Черных Клобуков в истории Древней Руси. — *Seminarium Kondakowianum*, 1927, I, с. 105.

¹³¹ В словаре М. Фасмера зафиксировано понятие «онополец, онополовец — живущий по ту сторону реки. Производное от церковнославянского об он пол» (Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. М., 1971, т. III, с. 142).

¹³² Горшков А. И. Старославянский язык. М., 1963, с. 100.

¹³³ НПЛ, с. 19.

¹³⁴ Там же, с. 20.

¹³⁵ Там же, с. 32—33.

¹³⁶ Там же, с. 63.

¹³⁷ См., например: Ипат., стб. 556.